

Малахова Елизавета Вадимовна, Шустова Светлана Викторовна✉
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
lanaschust@mail.ru

Актуализация концепта МИГРАНТ в сознании носителей русского языка

Аннотация

Цель настоящего исследования состоит в выявлении спонтанных ассоциативных связей, возникающих в сознании респондентов при актуализации концепта МИГРАНТ. Материалом послужили 432 реакции респондентов на слово-стимул *мигрант*, полученные в ходе проведённого в 2024 г. свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 200 человек – граждан России. В результате были выделены макро- и микрополя, позволяющие судить о том, что образ мигранта характеризуется сочетанием как негативных, так и нейтральных или даже позитивных ассоциатов. Положительные ассоциации связаны с выражением сочувствия. Доминирование номинаций с нейтральной коннотацией указывает на преобладание стратегии дескриптивного определения в репрезентации концепта МИГРАНТ. Это обусловлено стремлением респондентов к объективности и избеганию оценочных суждений. В целом авторы приходят к выводу, что русскоязычные респонденты демонстрируют нейтрально-негативное отношение к мигрантам.

Ключевые слова: миграционная лингвистика, концепт, мигрант, ассоциативный эксперимент, ассоциативная реакция, языковое сознание, ассоциативное поле

© Малахова Е. В., Шустова С. В. 2025

Для цитирования: Малахова Е. В., Шустова С. В. Актуализация концепта МИГРАНТ в сознании носителей русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 3. С. 190–200. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-190>

Elizaveta V. Malakhova, Svetlana V. Shustova✉
Perm State University
Perm, Russian Federation
lanaschust@mail.ru

Actualization of the MIGRANT concept in the minds of native Russian speakers

Abstract

The paper aims to reveal spontaneous associative connections that arise in the minds of people to verbalize the concept MIGRANT. The material was comprised by 432 reactions to the stimulus-word *migrant* obtained from 200 Russian citizens during a free associative experiment in 2024. As a result, a number of macro- and micro fields were identified to show that the image of a migrant is characterized by a combination of both negative and neutral or even positive associates. Positive associations emerge to express empathy. The dominance of nominations with neutral connotations indicates that descriptive definitions are a primary strategy in representing the MIGRANT concept. It is due to the respondents' desire to be objective and to avoid value judgments. On the whole, the obtained results enable to conclude that the Russian-speaking respondents display neutral-negative attitude towards migrants.

Keywords: migration linguistics, concept, migrant, association experiment, association response, linguistic consciousness, association field

© Malakhova E. V., Shustova S. V. 2025

For citation: Malakhova, E. V., & Shustova, S. V. (2025). Aktualizatsiya kontsepta MIGRANT v soznanii nositeley russkogo yazyka [Actualization of the MIGRANT concept in the minds of native Russian speakers]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 190–200. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-190>

1. Введение [Introduction]

Миграция рассматривается как социальное явление, неизбежный феномен, который охватывает все страны мира, в связи с процессом глобализации. Современный мир сформировался благодаря миграции. Ещё со времён первобытного общества люди, движимые инстинктивным стремлением к освоению новых территорий и наиболее благоприятных условий для жизни, меняли своё место жительства в поисках «обетованной земли». В наше время в связи с дешёвыми и быстрыми способами перемещения учёными фиксируется постепенное ослабление роли межгосударственных границ как факторов, ограничивающих перемещение населения. Образуются новые модели миграции, например, отходничество, коммерческая миграция, образовательная миграция, религиозная миграция и другие.

В мировой практике проблема миграции является одной из самых острых, обсуждение миграционных процессов выносятся на заседания Генеральной Ассамблеи ООН, Международной организации по миграции (МОМ), Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС). В рамках предвыборных кампаний и теледебатов президенты многих стран дискутируют на эту тему, предлагая свои концепции урегулирования миграционного вопроса. Международная организация по миграции (МОМ) каждые два года публикует доклады о миграции в мире. В докладе о миграции за 2024 год отмечается, что основные страны назначения по статистике на 2021 год это: США, Германия, Саудовская Аравия, Российская Федерация, Соединенное Королевство, Объединённые Арабские Эмираты, Франция [Маколифф, Оучо, 2024]. Россия, очевидно, является привлекательной страной для мигрантов, поскольку она занимает четвёртое место в данном списке. Можно предположить, что столь высокая позиция связана с изначально полиэтничным составом населения РФ и наличием значительного потенциала для трудоустройства. Доклад МОМ приводит статистику, которая показывает, что число международных мигрантов неизменно растёт (см. табл. 1). Только за последние десять лет число международных мигрантов выросло с 220 млн. до 280 млн. человек [Там же].

В докладе отмечается, что миграция часто служит на благо человечеству, но из-за давления СМИ большинством рассматривается как негативное явление. Учёные пришли к выводу, что международная миграция остаётся редким явлением: «международными мигрантами являются всего лишь 3,6% (или 281 млн. человек) из всего населения мира» [Маколифф, Оучо, 2024]. Авторами был отмечен вклад, который вносят мигранты в развитие экономики, причём как в страны происхождения, так и в страны транзита или назначения: «Международные денежные переводы выросли с примерно 128 миллиардов долларов США в 2000 году до 831 миллиарда долларов США в 2022 году» [Там же].

В докладе подчёркивается, что мигранты способны возместить нехватку специалистов, обеспечивают повышение квалификации: «Иммиграция увеличивает как предложение рабочей силы, так и спрос на нее, а это означает, что трудовая иммиграция (в

том числе низкоквалифицированных работников) может создать дополнительные возможности трудоустройства для существующих работников» [Маколифф, Оучо, 2024]. Мигранты не только влияют на экономический сектор, но и обогащают культуру страны, происходит культурный обмен: «мигранты обеспечивают источник динамизма во всем мире и чрезмерно представлены в сфере инноваций и патентов, лауреатов наград в области искусства и науки, инициаторов стартапов и успешных компаний» [Там же].

В докладе отмечено, что для мигрантов из развивающихся стран возможности уехать легально уменьшаются, оставляя единственный возможный вариант – нелегальную миграцию: «анализ данных о контингенте международных мигрантов за 25 лет ясно показывает, что легальные каналы для мигрантов из развивающихся стран значительно сузились, в то время как каналы для мигрантов из развитых стран расширились» [Там же].

Т а б л и ц а 1. **Международные мигранты после 1970 года**
[T a b l e 1. **Cross-country migrants after 1970**]

Год	Число международных мигрантов	Мигранты в % от населения мира
1970	84460125	2,3
1975	90368010	2,2
1980	101983149	2,3
1985	113206691	2,3
1990	152986157	2,9
1995	161289976	2,8
2000	173230585	2,8
2005	191446828	2,9
2010	220983187	3,2
2015	247958644	3,4
2020	280598105	3,6

МОМ акцентирует особое внимание на то, что «токсичные» нарративы и тактика дезинформации в СМИ оказывают негативное влияние на социальный и политический дискурс о миграции, приводит к дискриминации в обществе: «СМИ продолжают уделять больше внимания «плохим» новостям. «Нормализация» миграционного нарратива является решающим фактором в осознании преимуществ миграции» [Маколифф, Оучо, 2024, табл. 2].

Статистически зафиксированный рост миграции доказывает актуальность миграционной лингвистики. Языки мигрантов постепенно меняют языковую картину мира этой страны, что выражается в упрощении грамматических структур, развитии полисемии, неологизации, формировании пиджинов и креолов. Эти процессы могут потенцировать языковую конфликтогенность, что обуславливает необходимость изучения миграционного дискурса для своевременной оценки общественных настроений, повышения лингвотолерантности и разработке языковой политики. Стоит отметить, что эти изменения носят двусторонний характер: они трансформируют не только титульный язык, но и язык мигрантов.

Т а б л и ц а 2. Основные факты и цифры, приведённые в докладах о миграции в мире 2000 и 2024 годов
[Table 2. Major facts and figures from reports about migration in the world in 2000 and 2024]

	Доклад 2000 года	Доклад 2024 года
Оценочное количество международных мигрантов	150 млн	281 млн
Оценочная доля мигрантов в населении мира	2,80%	3,60%
Оценочная доля женщин среди международных мигрантов	47,50%	48,00%
Оценочная доля детей среди международных мигрантов	16,00%	10,10%
Регион с самой высокой долей международных мигрантов	Океания	Океания
Страна с самой высокой долей международных мигрантов	Объединённые Арабские Эмираты	Объединённые Арабские Эмираты
Численность трудящихся-мигрантов	--	169 млн
Общий объём международных денежных переводов (в долл. США)	128 млрд	831 млрд
Численность беженцев	14 млн	35,4 млн
Численность внутренне перемещённых лиц	21 млн	71,4 млн

Значимость изучения миграционного дискурса находит эмпирическое подтверждение в обширном корпусе научных работ отечественных и зарубежных исследователей [Krefeld, 2004 ; Kerswill, 2006 ; Шустова, 2018 ; Gugenberger 2018 ; Зубарева, 2019, 2024 ; Шустова, Исаева, 2019 ; Шустова, Прыткина, 2021]. П. Керсвилл, социолингвист, профессор Йоркского университета, утверждает, что миграция, опосредованная межкультурными контактами, является ключевым фактором языковых изменений титульного языка. Взаимодействие принимающей стороны с элементами культуры и языка мигрантов приводит к формированию этнолингвистических меньшинств, трансформирующих языковую систему [Kerswill, 2006, S. 8]. Т. Крефельд, развивая динамическую концепцию коммуникативного пространства [Krefeld, 2004, S. 1], выделяет три ключевых измерения: пространство говорения, пространство говорящего и ситуативное пространство говорения. Это позволяет ему исследовать язык в условиях экстратерриториальности, структуру репертуара и сетевого общения, а также феномены смешения и переключения кодов. Е. Гугенбергер является одним из ведущих специалистов в области миграционной лингвистики. В своих исследованиях она анализирует язык галисийских мигрантов определяя социальные, культурные и языковые образцы речевого поведения. Также, акцентирует своё внимание на исследовании психических процессов, определяющих восприятие и интерпретацию знаков мигрантами, обращая особое внимание на многоязычие аллохтонных меньшинств и их отличие от автохтонных групп [Gugenberger, 2018, S. 49].

Настоящая статья опирается на концептуальный подход, позволяющий раскрыть структуру и содержание концепта МИГРАНТ как ключевого элемента дискурса о миграции. Объектом анализа выступает сам концепт МИГРАНТ.

Ц е л ь нашего исследования – выявить спонтанные ассоциативные связи, возникающие в сознании респондентов при актуализации концепта МИГРАНТ.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Эмпирической базой исследования послужили результаты свободного ассоциативного эксперимента. А. А. Леонтьев отмечает, что «если нам нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть «культурную» специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его семантические «обертонны» – без сомнения, таким методом является ассоциативный эксперимент» [Леонтьев, 1977, 64]. Нами был выбран свободный ассоциативный эксперимент, поскольку анализ ассоциаций выявляет структуру ассоциативного поля концепта (ядро и периферию): «ассоциативная связь определена именно культурой во всем её многообразии – всеми знаниями, опытом, в том числе – чувственным опытом, но при этом таким опытом, в котором мы не даём себе отчёта» [Фрумкина, 2001, 192]. Ассоциативный эксперимент – эффективный инструмент анализа, который позволяет изучить языковое сознание, его структуру, а также стереотипы, свойственные носителям языка [Попова, Стернин 2015; Овчинникова 2018; Караулов 2002; Залевская 2014; Уфимцева 2014].

Свободный ассоциативный эксперимент был проведён в 2024 году. В нём приняли участие 200 респондентов – граждан Российской Федерации. Респондентам было предложено написать ассоциации к слову-стимулу *мигрант*. Всего было получено 432 реакции, которые были распределены по разным семантическим модулям. Стоит отметить, что одна реакция могла быть отнесена сразу к нескольким модулям. Гендерный и возрастной факторы не принимались во внимание.

В свободном ассоциативном эксперименте респондентам предлагалось написать любые ассоциации, при этом не было задано никаких ограничений. Далее при обработке результатов подсчитывалась частотность каждой реакции. Высокая и низкая частотность реакций свидетельствует об актуальности или неактуальности признаков концепта соответственно. При группировке реакций в один семантический модуль были помещены ассоциаты (лексические и более крупные единицы), связанные общей семантикой. Анализ структуры концепта МИГРАНТ позволил выделить 21 семантический модуль, отражающий многоаспектность и комплексность данного концепта. В зависимости от частотности ассоциатов были произвольно выделены ядро, предьядерная зона и периферия (ближняя и дальняя).

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В ходе исследования выявлено, что ассоциативно-вербальное поле концепта МИГРАНТ представлено тремя основными макрополями, или крупными семантическими модулями, внутри которых выделяется ряд микрополей, которые представляют собой менее объёмные семантические модули (табл. 3). Значительная часть микрополей не входит в макрополя, а представляют собой самостоятельные образования. Ниже показана полевая структура концепта МИГРАНТ.

1. Макрополе КОННОТАЦИИ включает 248 ассоциатов, что составляет 57,4% единиц, вербализующих данный концепт. Данное макрополе представлено тремя микрополями:

1.1. Микрополе НОМИНАЦИИ С НЕЙТРАЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ (215 ассоциатов, или 49,7%): человек, который поменял место жительства (24); человек, который покинул Родину (21); иностранец (18); приезжий (18); переселенец (17); беженец (14); человек (14); человек, который часто переезжает из одной страны в другую (11); чужой (9); эмигрант (6); иммигрант (6); другой (5); нерусский (5); гастарбайтер (5); гражданин

другой страны (4); чужеземец (4); неместный (3); гость (3); новый житель (3); человек, переезжающий из одного региона в другой (2); человек, вынужденный переехать в другую страну (2); люди (2); пришелец (2); незнакомец (2); маргинал (2); иной (2); черно-рабочий (1); рабочая сила (1); перебежчик (1); чужестранец (1); человек, восставший против государства (1); открыватель (1); человек, скитающийся по миру (1); поселенец (1); путник (1); многонационал (1); вдали от дома (1).

1.2. Микрополе НОМИНАЦИИ С ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ (27 ассоциатов, или 6,2%): нелегал (6); чурка (3); объект, который подлежит перемещению (2); предатель Родины (2); человек, который сбежал из страны (2); понаехавшие (1); неизвестно чего ожидать (1); нарушитель (1); уклонившийся (1); человек без Родины (1); нападающий (1); трус (1); не патриот (1); заполонили город (1); занимают нашу территорию (1); занимают места в универе (1); изгой (1).

1.3. Микрополе НОМИНАЦИИ С ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ (6 ассоциатов, или 1,39%): любит менять обстановку (1); любитель перемен (1); человек, который хочет поменять круг своего общения (1); любитель новых впечатлений и знакомств (1); человек, такой же, как и я (1); друг (1).

2. Макрополе ПРИЧИНЫ (49 ассоциатов, или 11,34%):

2.1. Микрополе ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ (23 ассоциата, или 5,3%): бедность (5); проблемы (5); сложности (4); трудовой мигрант (3); голод (2); кризис (1); безысходность (1); работа (1); низкий уровень жизни (1).

2.2. Микрополе ПОЛИТИКА (8 ассоциатов, или 1,85%): война (5); политика (2); политическое убежище (1).

2.3. Микрополе ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ (8 ассоциатов, или 1,85%): ищет лучшей жизни (4); возможности (3); спасение (1).

2.4. Микрополе УЧЁБА (7 ассоциатов, или 1,62%): студент (5); иностранный студент (1); учеба (1).

2.5. Микрополе ЭПИДЕМИИ (3 ассоциата, или 0,69%): эпидемии (2); болезни (1).

3. Макрополе КАЧЕСТВО (30 ассоциатов, или 6,94%):

3.1. Микрополе ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА (10 ассоциатов, или 2,31%): много работает (3); эрудированный (1); образованный (1); умный (1); любитель перемен (1); любитель новых впечатлений и знакомств (1); трудолюбивый (1); весёлый (1).

3.2. Микрополе ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА (20 ассоциатов, или 4,63%): грубый (2); опасный (2); безработный (2); наглый (2); хитрый (1); злой (1); агрессивный (1); дикий (1); нелюдимый (1); бескультурный (1); неподобающее поведение (1); не видят границ (1); неприятный (1); навязывает свои традиции (1); нахальное поведение (1); отличающийся (1).

4. Микрополе ПУТЕШЕСТВИЕ (17 ассоциатов, или 3,94%): путешественник (6); турист (3); вокзал (1); билеты (1); граница (1); тёплые края (1); отдых (1); тропические острова (1); загранпаспорт (1); путешествие (1).

5. Микрополе ПРОФЕССИЯ (15 ассоциатов, или 3,47%): рабочий (2); рынок (2); тяжёлый труд (2); разнорабочий (2); таксист (1); уборщица (1); водитель (1); продавец (1); строитель (1); торгаш (1); дворник (1).

6. Микрополе КУЛЬТУРА (13 ассоциатов, или 3,01%): человек другой культуры (5); другие ценности (3); другой уклад жизни (1); другие традиции и обычаи (1); новая культура (1); культурный шок (1); чужая культура (1).

7. Микрополе ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (12 ассоциатов, или 2,78%): бедный (5); голод (2); небогатый (1); низкий уровень жизни (1); нуждающийся (1); без определенного места жительства (1); криминал (1).

8. Микрополе НАЦИОНАЛЬНОСТЬ (10 ассоциатов, или 2,31%): нерусский (5); азербайджанцы (1); татары (1); азиат (1); таджик (1); цыган (1).

9. Микрополе НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА (10 ассоциатов, или 2,31%): преступность (4); беспорядки (1); незаконный (1); незаконное пересечение границы (1); без документов (1); нарушитель (1); криминал (1).

10. Микрополе СЛОЖНОСТИ (7 ассоциатов, или 1,62%): сложности (4); сложная жизнь (1); преодоление (1); тот, кому нужна помощь (1).

11. Микрополе ЧУВСТВА МИГРАНТА (6 ассоциатов, или 1,39%): тоска (2); тревога (2); стресс (1); отторжение (1).

12. Микрополе ЯЗЫК (6 ассоциатов, или 1,39%): плохо говорит по-русски (2); билингв (2); иноязычный (1); новый язык (1).

13. Микрополе СТРАНЫ (5 ассоциатов, или 1,16%): Таджикистан (2); страны ближнего Востока (2); рабочий из Средней Азии (1).

14. Микрополе СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (4 ассоциата, или 0,93%): большая семья (2); многодетный (1); дети мигрантов (1).

15. Микрополе РЕЛИГИЯ (3 ассоциата, или 0,69%): Ислам (2); мусульманин (1).

16. Микрополе ВНЕШНОСТЬ (2 ассоциата, или 0,46%): темнокожий (1); негр (1).

17. Микрополе ПОЛ (2 ассоциата, или 0,46%): мужчина (2).

18. Микрополе АДАПТАЦИЯ (2 ассоциата, или 0,46%): адаптация (2).

19. Микрополе ЖИЛЬЕ (1 ассоциат, или 0,23%): новый дом (1).

20. Микрополе ЖИВОТНЫЕ (1 ассоциат, или 0,23%): животное, которое покидает своё место жительства (1).

21. Микрополе КОЛИЧЕСТВО (1 ассоциат, или 0,23%): много (1).

Т а б л и ц а 3. Соотношение семантических модулей
[T a b l e 3. Proportion of semantic modules]

Семантический модуль	Количество реакций
Коннотации:	248 (57.4%)
Номинации с нейтральной коннотацией	215 (49.7%)
Номинации с отрицательной коннотацией	27 (6.2%)
Номинации с положительной коннотацией	6 (1.39%)
Причины:	49 (11.34%)
Экономическая нестабильность	23 (5.3%)
Политика	8 (1.85%)
Повышение уровня жизни	8 (1.85%)
Учеба	7 (1.62%)
Эпидемии	3 (0.69%)
Качество:	30 (6.94%)
Положительные качества	10 (2.31%)
Отрицательные качества	20 (4.63%)
Путешествие	17 (3.94%)
Профессия	15 (3.47%)
Культура	13 (3.01%)
Финансовое положение	12 (2.78%)
Национальность	10 (2.31%)
Нарушение закона	10 (2.31%)
Сложности	7 (1.62%)
Чувства мигранта	6 (1.39%)

Семантический модуль	Количество реакций
Язык	6 (1.39%)
Страны	5 (1.16%)
Семейное положение	4 (0.93%)
Религия	3 (0.69%)
Внешность	2 (0.46%)
Пол	2 (0.46%)
Адаптация	2 (0.46%)
Жилье	1 (0.23%)
Животные	1 (0.23%)
Количество	1 (0.23%)

Таким образом, ядро поля концепта МИГРАНТ сформировано макрополем КОННОТАЦИИ, поскольку в нём содержится подавляющее большинство языковых единиц (от слова до более крупных), вербализующих этот концепт. Внутри коннотативного макрополя были выделены три микрополя: номинации с нейтральной, отрицательной и положительной коннотацией. Доминирующим оказалось микрополе НОМИНАЦИИ С НЕЙТРАЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ – очевидно, что респонденты стремились дать ассоциации, максимально приближенные к словарному определению. При этом частотность номинаций с отрицательной коннотацией значительно (в четыре раза) превышает частотность номинаций с положительной коннотацией, что свидетельствует о настороженности граждан в отношении мигрантов. Наиболее распространёнными ассоциатами являются: *человек, который поменял место жительства* (24), *человек, который покинул Родину* (21), *иностранец* (18). Данные ассоциаты лишены экспрессивной окраски и репрезентируют денотативное значение, отражая лишь факт перемещения индивида из одной локации в другую.

Предъядерная зона образована макрополем ПРИЧИНЫ. В эту зону попало в пять раз меньше ассоциатов, чем в ядро. Внутри данного макрополя выделено пять микрополей, самым объёмным из которых оказалось микрополе, категоризованное как ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ, что свидетельствует о том, что снижение уровня жизни стимулирует поиск экономических возможностей за пределами родной страны. Важно отметить, что наряду с экономическими причинами важную роль играет и ПОЛИТИКА, что подтверждается соответствующими ассоциатами: *война* (5), *политика* (2). В число мотивов миграции входят ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ и УЧЁБА, что указывает на роль образовательной миграции, а также мотивов ЭПИДЕМИИ, наличие которых, несмотря на их низкую частотность, подчёркивает влияние эпидемиологической нестабильности на миграционные процессы, когда люди покидают родные страны в поисках более безопасных и благоприятных условий для жизни.

Семантический модуль ПУТЕШЕСТВИЕ, включающий в 2,8 раз меньше ассоциатов, чем в предъядерной зоне, входит в ближайшую периферию. Наибольшее распространение получили ассоциаты *путешественник* (6) и *турист* (3). Респонденты склонны рассматривать миграцию как разновидность путешествия, что может быть свя-

зано с увеличением мобильности населения в эпоху глобализации и развитием транспортной инфраструктуры.

Дальняя периферия образована микрополем ПРОФЕССИЯ, в которую, однако, вошло лишь немногим меньше ассоциатов по сравнению с ближней периферией. Ассоциаты в данном микрополе позволяют выявить типичную социально-экономическую нишу, занимаемую мигрантами на рынке труда. Преобладание таких номинаций, как *рабочий* (2), *разнорабочий* (2), *тяжёлый труд* (2), *строитель* (1), *уборщица* (1), *дворник* (1) свидетельствует о концентрации мигрантов в секторах экономики, характеризующихся низким уровнем оплаты труда, тяжёлыми условиями работы и отсутствием социальных гарантий. Данный факт отражает тенденцию прекаризации труда мигрантов, то есть их вовлечения в нестабильную и незащищённую занятость. Кроме того, упоминание *таксиста* (1), *продавца* (1) и *торгаша* (1) подтверждает убеждение, что мигранты, как правило, занимают наименее престижные и наименее оплачиваемые рабочие места, что делает их уязвимыми к эксплуатации и дискриминации.

Остальные семантические модули оказались менее частотными. Стоит отметить, что ассоциаты – *человек другой культуры* (5) и *другие ценности* (3) делают акцент на культурных различиях как определяющем факторе восприятия мигрантов. Неразрывно связанным с культурными различиями оказывается микрополе ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, в котором преобладают негативные характеристики, такие как *бедный* (5), *голод* (2) и *низкий уровень жизни* (1). Данная взаимосвязь может свидетельствовать о формировании стереотипного образа мигранта как человека, находящегося в сложном экономическом положении. Микрополе НАЦИОНАЛЬНОСТЬ (10) (2,31%), в котором доминируют этнические маркеры, такие как *нерусский* (5), *азербайджанцы* (1) и *таджик* (1), подчёркивает акцент на этнической принадлежности мигрантов и их отличии от принимающего населения. Мигрант представляется приезжим из ближнего Зарубежья или Центральной Азии.

К сожалению, также присутствует микрополе НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА, с ассоциациями *преступность* (4), *незаконный* (1) и *без документов* (1), свидетельствующих о связывании мигрантов с противоправной деятельностью, что может оправдывать дискриминационные меры в отношении них. Микрополя СЛОЖНОСТИ и ЧУВСТВА МИГРАНТА, хотя и менее распространены, но их наличие всё же свидетельствует о признании обществом трудностей, с которыми сталкиваются мигранты в процессе адаптации и интеграции. Ассоциации *сложности* (4), *тоска* (2) и *тревога* (2) указывают на понимание эмоциональных переживаний мигрантов, связанных с отрывом от Родины, культурным шоком и социальной изоляцией.

3. Заключение [Conclusion]

Анализ представленных микрополей позволяет сделать вывод о том, что образ мигранта характеризуется сочетанием как негативных, так и нейтральных или даже позитивных ассоциатов, актуализирующих сочувствие. Доминирование номинаций с нейтральной коннотацией указывает на преобладание стратегии дескриптивного определения в репрезентации данного концепта, что может быть обусловлено стремлением респондентов к объективности и избеганию оценочных суждений. Значительная распространённость семантического модуля ПРИЧИНЫ позволяет заключить, что российская общественность проявляет повышенный интерес к факторам, побуждающим мигрантов покинуть Родину, что может быть связано с обеспокоенностью социально-экономическими и политическими последствиями миграции.

Можно предположить, что отношение к мигранту рассматривается как нейтрально-негативное. Его образ клиширован и односторонен в сознании граждан РФ. К ми-

грантам не приписывают высококвалифицированных специалистов из Европы или Америки. Чаще всего это мужчина средних лет, приехавший на заработки из более бедной страны и готовый взяться за любую работу. Мигранты часто плохо говорят по-русски, а также являются носителями другой культуры, что пугает обычного обывателя, так как их поведение не соответствует принятым нормам поведения. Часто мигранты, приезжая в новую страну, пытаются найти «своих», и тогда происходит процесс диаспоризации – формирования диаспор по национальному или конфессиональному принципу. Нами прослеживается оппозиция «свой / чужой», где образ чужого всегда искажён. Чужой наделяется устойчивыми характеристиками, часто негативными, что приводит к социальной и культурной дистанции.

Перспективу исследования составит изучение механизмов преодоления негативных стереотипов и нормализации миграционного нарратива.

Библиографический список

- Залевская, 2014 – Залевская А. А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М.-Берлин : Директ-Медиа, 2014. 328 с.
- Зубарева, 2019 – Зубарева Е. О. Модель миграционного дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 1. С. 35–45. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_1_35_45
- Зубарева, 2024 – Зубарева Е. О. Актуальные проблемы лингвистики. Лингвистическое моделирование концептуального поля миграция. Пермь : Изд-во Пермского гос. нац. исслед. ун-та, 2024. 130 с.
- Караулов, 2002 – Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. М. : АСТ, 2002.
- Леонтьев, 1977 – Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М. : Изд-во МГУ, 1977. С. 5–16.
- Маколифф, Оучо, 2024 – Маколифф М., Оучо Л. А. Доклад о миграции в мире 2024. Международная организация по миграции (МОМ), Женева. 414 с.
- Овчинникова, 2018 – Овчинникова И. Г. Синтагматические сбои в русской речи: интерпретация в свете актуальных моделей ментального лексикона // Вопросы психолингвистики. 2018. № 2. С. 84–98.
- Попова, Стернин 2015 – Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. М.-Берлин : Директ-Медиа, 2015. 101 с.
- Уфимцева, 2014 – Уфимцева Н. В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира // Вестник ИрГТУ. 2014. № 9. С. 340–346.
- Фрумкина, 2001 – Фрумкина Р. М. Психолингвистика. М. : Академия, 2001. 315 с.
- Шустова, 2018 – Шустова С. В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 2. С. 114–125. https://doi.org/10.22250/24107190_2018_4_2_114_125
- Шустова, Прыткина, 2021 – Шустова С. В., Прыткина Л. А. Модель синтагматического поля концепта MIGRANT // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 2. С. 96–104.
- Шустова, Исаева 2019 – Шустова С. В., Исаева Е. В. Миграционная лингвистика: становление и развитие // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме / под ред. Т. И. Ерофеевой. Пермь : Изд-во Пермского гос. нац. исслед. ун-та, 2019. С. 5–64.
- Gugenberger, 2018 – Gugenberger E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicien und Galicierinnen in Argentinien. Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft. B. 21. LiT Verlag. AG GmbH&Co.KG. Wien, 2018. 658 S.
- Kerswill, 2006 – Kerswill P. Migration and language. // Sociolinguistics/Soziolinguistik. An international handbook of the science of language and society. Vol. 3. 2nd edn. / Ed. by K. Mattheier, U. Ammon, P. Trudgill. Berlin : De Gruyter, 2006. P. 2271–2285.
- Krefeld, 2004 – Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla. Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2004. 173 S.

References

- Zalevskaya, A. A. (2014). *Chto tam – za slovom? Voprosy interfeysnoy teorii znacheniya slova [What is there behind word? Issues of interface theory of word meaning]*. Moscow-Berlin : Direkt-Media Press. (In Russ.).
- Zubareva, E. O. (2019). Model' migratsionnogo diskursa [The model of migration discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 5(1), 35–45. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_1_35_45
- Zubareva, E. O. (2024). *Aktual'nye problemy lingvistiki. Lingvisticheskoe modelirovanie kontseptual'nogo polya MIGRATSIYA [Current issues of linguistics. Linguistic modelling of the concept field MIGRATION]*. Perm : Perm State University Press. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2002). *Russkiy assotsiativnyy slovar' [Russian dictionary of associations]*. In 2 volumes. Moscow : AST Press. (In Russ.).
- Leontiev, A. A. (1977). Obshchie svedeniya ob assotsiatsiyakh i assotsiativnykh normakh [General information about associations and association standards]. *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka [The dictionary of association standards of the Russian language]* (pp. 5–16). Moscow : MSU Press. (In Russ.).
- Makoliff, M., & Ouch, L. A. (2024). *World Migration Report 2024*. Geneva : International Organization for Migration (IOM). (In Russ.).
- Ovchinnikova, I. G. (2018). Sintagmatische sboi v russkoy rechi: interpretatsiya v svete aktual'nykh modeley mental'nogo leksikona [Syntagmatic mistakes in Russian speech in the aspect of the mental lexicon structure]. *Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]*, 2, 84–98. (In Russ.).
- Popova, Z. D., & Sternin, I. A. (2015). *Yazyk i natsional'naya kartina mira [Language and national picture of the world]*. Moscow-Berlin : Direkt-Media Press. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V. (2014). Assotsiativnyy slovar' kak model' yazykovoy kartiny mira [Associative dictionary as a model of linguistic picture of the world]. *Vestnik IrGTU [Vestnik of Irkutsk Technical University]*, 9, 340–346. (In Russ.).
- Frumkina, R. M. (2001). *Psikholingvistika [Psycholinguistics]*. Moscow : Akademiya Press. (In Russ.).
- Shustova, S. V. (2018). Migratsionnaya lingvistika i migratsionnyy diskurs [Migration linguistics and migration discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 4(2), 114–125. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2018_4_2_114_125
- Shustova, S. V., & Prytkina, L. A. (2021). Model' sintagmaticheskogo polya kontsepta MIGRANT [Syntagmatic field model of the “MIGRANT” concept]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya [Humanitarian Studies. History and Philology]*, 2, 96–104. (In Russ.).
- Shustova, S. V., & Isaeva, E. V. (2019). Migratsionnaya lingvistika: stanovlenie i razvitie [Migration linguistics: Emerging and development]. T. I. Erofeeva (Ed.), *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoy nauchnoy paradigme [Migration linguistics in the modern scientific paradigm]* (pp. 5–64). Perm : Perm State University Press. (In Russ.).
- Gugenberger, E. (2018). *Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicien und Galicierinnen in Argentinien*. Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft. B. 21. LiT Verlag. AG GmbH&Co.KG. Wien.
- Kerswill, P. (2006). Migration and language. In K. Mattheier, U. Ammon, P. Trudgill (Eds), *Sociolinguistics/Soziolinguistik. An international handbook of the science of language and society* (Vol. 3, pp. 2271–2285). Berlin : De Gruyter.
- Krefeld, Th. (2004). Einführung in die Migrationslinguistik. *Von der Germania italiana in die Romania multipla*. Tübingen : Gunter Narr Verlag.